

Александр СУДЕЦ

ОКЕАНСКИЕ СНЫ

Роман

Том III

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ОКЕАНУ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3

ББК 84

С89

Судец, А.

С89 Долгая дорога к океану. — Т. III — М: Книга по Требованию, 2017. — 316 стр.

ISBN 978-5-519-60784-1

Автору этого повествования с младенчества начало сниться море. Тема моря, как он чувствовал, изначально была задана ему Творцом в качестве некой главной цели, главного дела его существования, его присутствия на этом свете. Но жизнь с упрямством не давала снам осуществиться, воздвигая на пути человека к цели всё новые препятствия и преграды. Эта книга последняя в трилогии об океанских снах, о снах в мечтах и наяву, о той долгой дороге, что привела в конце концов к осуществлению мечты. Это книга о сохранении оптимизма в обстоятельствах суровой враждебной действительности и о личной свободе человека в этом неудобном мире. В ней в доверительной форме рассказывается о яркой жизни героя повествования, состоявшей из постоянной борьбы за своё «я», из сплошной череды происшествий, то трагических, то веселых, то на грани самой гибели, где предательства, гангрена и зыбучие пески сменялись переходом в одиночку Каспийского моря на парусной байдарке, происшествий, из которых человек всегда выходил торжествующим победителем!

Книга печатается в авторской редакции

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Творческого Союза художников России

На обложке - картина автора
«Седов» в лучах славы»
e-mail автора: sudets.ocean@mail.ru

ISBN 978-5-519-60784-1

© Lennex Corp, 2017

© А. Судец, 2017

Жизнь моя, иль ты приснилась мне ?...
Сергей Есенин

*Дай бог, чтобы твоя страна
Тебя не пнула сапожищем!*
Евгений Евтушенко

В Москве вообще красивые закаты, а уж тут у нас на Большой Никитской, – так от них просто глаз не оторвёшь! То взрослый художник, то девочка с этюдником у нас здесь не редкость. Вот солнышко спряталось за высотку на Кудринской, и тогда тень от этой громады восстаёт у нас на фасаде двадцати этажного здания дома номер сорок девять, бывшего артистического кооператива,.. солнышко задержится там на несколько минут, озорно притаившись за углом высотки, потом тихонько выглядывает из-за неё и – вдруг радостно и ярко выплескивает свою радость на всю мою улицу, во всю ее длину! И как-то у него выходит так, что оно вместе со своими лучами оказывается точно напротив всей длины улицы, когда на десяток чудесных мгновений-минут оказываются освещенными обе стороны улицы, – и та, противоположная от меня, и эта, на которой стоят две лавочки, установленные специально для моего на них сидения, когда выхожу из магазина «Эпикюр», имея в руках две тяжеленные сумки со всякой вкусной, необходимой для получения удовольствия снедью... Я ставлю сумки на одну из лавочек и, усаживаясь ножка на ножку, раскуриваю трубочку... За моей спиной красивая ограда крошечного скверика-двора, передо мной, на противоположной стороне, большой старинный особняк князей Васильчиковых и череда других старинных старостей, скромных, не навязчивых, уютных, полных традиционного достоинства и естественной прелести городских усадеб русского дворянства... Вон там, справа, особняк, в котором сейчас посольство Нигерии, а прежде там жила семья Суворовых, и маленький Саша, будущий Александр Васильч, бегал на противоположную сторону, в церковь Фёдора Студита петь в тамошнем хоре. А еще правее, за сквериком с сидящим памятни-

ком толстяку Алексею Толстому, огромное здание храма Большого Вознесения, помнящее венчание в нем другого Александра, уже Алексан Сергеича, – ну да, Пушкина...

На соседней лавочке обычно тоже кто-то абитантствует – то шумная стайка, щебечущих как воробышки, и пытающейся взрослеть детворы со своими гремящими досками на колесиках, то одинокий одиночка с бутылочкой пивка... И нет-нет, а с этой публикой у меня возникает спонтанное и ни к чему не обязывающее милое и откровенно лёгкое воркование. Часто людей привлекает вид моей трубочки, и иной раз кто-нибудь из них просит разрешения пере-сесть, подсесть ко мне, и тогда начинается языковой чёс...

Однажды моим собеседником оказался поэт из белорусского горада Гомель Роман Александрович Кислицын. Он возвращался из Центрального Дома литераторов, который был тут рядом, в сотне шагов от нашей с ним лавочки, куда Роман ходил читать свои стихи. У нас получилась обоюдная друг перед другом странная как бы исповедь, – Роман говорил, что однажды хотел покончить жизнь насильственным образом, я ему что-то противопоставлял, посоветовав даже выписать в интернет магазине мою книжку «Океанские сны. Самодонос», сказал, что в ней есть жизнеутверждающее начало, и что она ему поможет избавиться от возрастного пессимума, присущего сорокалетним мужчинам. Проболтали часа полтора, пока не стемнело. А через несколько дней Роман позвонил мне и прочитал стихотворение, размещенное им в интернете в «Стихи. Ру», и родившееся в результате нашей с ним беседы и, как он сказал, главным образом, после прочтения рекомендованной ему книжки.

СУДЕЦ АЛЕКСАНДРУ ДАВЫДОВИЧУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Якря

*Откуда вы, причинно-следственные связи,
И кто вообще придумал жизнь на белом свете?
Я не из тех, кто был из грязи в князи,
Я редкий тот, кто за слова свои в ответе.*

*И почему меня всю жизнь манило море,
И почему господь водил по океанам,
Зачем я лично был знакомый с горем,
И веру сохранил назло людским обманам?*

*Палящее солнце, девятые валы,
Как времена года сменялись эпохи,
И волны и женщины – всласть целовали,
Как встреча с разлукой, всё на одном вздохе.*

*Моё одиночество – флагом на мачте,
Отец океан – далеко не сиеста,
Меня не понять и вы не мечтайте,
Мой якорь и щас ровно выбран до места.*

*Старуха печаль и совсем откровенная муза,
Где то рядом всегда у преддверия многих портов,
Хохотушки соседки с именами Мечта и Обуза,
И безмолвные стражи – триумфальные арки мостов.*

*Где те волны теперь, что когда то разбились о скалы,
Я сквозь время и щас на морские закаты смотрю,
В лабиринтах судьбы я был вхож на любые причалы, И
быть может сейчас где то там свою трубку курю.*

*Я за время в пути поразмыслил о многом,
Признаюсь ,я –любил, ни о чём не жалея нигде, Даже не
было в мыслях поравняться мне с богом,
Я и так, капитаном ,ходил по воде.*

Эти строки были естественной реакцией человека на его впечатление от случайной уличной встречи, а вот результатом этой встречи с моей стороны стало...

Я склонился над мусорным бачком своих воспоминаний в надежде разыскать в нём некое жемчужное зерно, о котором говорил когда-то один мудрец... Я не знал, что я ищу, – я только чувствовал, ощущал где-то внутри себя странную и беспокойную необходимость разыскать то Нечто, что, вероятно, и составит успокоительную для моего растревоженного сознания Сущность чего-то бесспорного, ради чего человек и приходит в этот гомонящий, круговертный мир.

В одной песенке поётся, советуется человеку снять усталый палец с курка. Хороший, правильный совет! Не надо этого – ни себе, ни для кого-то! Лучше заглянуть ЗА зеркало: если тебе надоело твое в нем отражение, то может ТАМ где-то тихо скрывается ответ на твой даже не сформулированный тобою для себя же вопрос, который многочисленные религии Индии пять тысяч лет определяли как «сатья граха» – что есть Истина?.. Хотя придумал это словосочетание не так давно великий тревожитель умов Махатма Ганди, начав с него движение Индии против англичанского засилья...

Музыка звучит в наушниках, как палочка в реторте химика, кружа сознание, беспокоит, не дает остановиться... Ибо остановиться – означало бы «осознать».. Но где оно то, что поставит знак восклицания после восклица: «Эврика!»?.. «Навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно», говорил об этом тот мудрец. Так

что же, – я петух? Не хотелось бы – глупо, оскорбительно, плоско. Но, если честно, – что-то общее между нами всё-таки, видимо, есть... Так говорит мне реторта... Но!.. Но может быть я не там ищу? Может быть то зернышко надо искать не в тленном холоде угасшего костра, не на дне иссохшего колодца минувших лет, не где-то в «экстра...», а в себе самом, внутри себя же?.. Может быть тут лежит путь к успеху?.. Как говорится, не в той помойке роетесь, сэр! Не там копаетесь!..

О чём мне с собой поговорить?.. О чём с тобой поговорить? Да и зачем? Чтоб развеять твою скуку? Правда, я не собираюсь набиваться к тебе ни в родню, ни в собеседники, – зачем тебе эта книжица? Зевни-ка ты лучше, да и закинь её под кровать... А с собой?.. С собой мне говорить не то, чтобы не о чем – просто разговор этот давний, слишком давний, и конца ему что-то не предвидится, так что... И тут пустота, нет ответа и тут... Тем для разговора бесконечное множество, но в результате все они всегда сливаются в одну, превращаются в одну, возвращаются, приходят к чему-то одному единому, заветному, но неразрешимому, зависающему в пустоте без ответа и без желанного конца... Потому что столько было всего в жизни достойного внимательного взгляда и требующего осмысления, что я однажды подумал, – вот если бы меня вдруг поставили к стенке и стали бы расстреливать, я б им в черные дырки их стволов спокойно бы улыбнулся. Нет, правда, это не бравада и не кокетство – просто у них, у целого взвода не наберётся столько за их жизни, сколько у меня одного... Поэтому, честно, стреляйте меня хоть сейчас, мне не жалко! У меня было всё, валяйте, в любой момент – я готов. Всегда готов, – хоть к такому неинтересно-тривиальному и молчаливо-скучному концу, хоть к долгому разговору с тобой...

Ты не смотришь мне в глаза, ты смотришь мимо и думаешь: «Сейчас он опять начнет вещать. Господи, как это всё надоело! Хоть бы просто рассказал эти свои дурацкие истории, а все философические зауми оставил бы при себе!..»

Хорошо, «Вы хотите песен? Их есть у мене!». Что тебе рассказать,.. о чём? О том, как я в одиночку, без посторонней и врачеб-

ной помощи за двадцать восемь дней самостоятельно избавился от спонтанной гангрены на обеих ногах, когда мне грозили через месяц их ампутацией, и к чему это привело, какие имело социальные и общественно значимые (в буквальном смысле) последствия?

Или о том, как однажды я, двадцати двух летний юнец, демобилизованный рядовой запаса, поставил на место и навсегда отучил материться при себе своего дядюшку-маршала, большого военного вельможу, привыкшего командовать и не терпевшего чьих-либо возражений?

Или о том, как я тонул на Волге в зыбучем песке, на крохотном безлюдном островке, когда кругом никого и помочь некому, и выбрался сам, придумав на ходу свой способ спасения, когда другие способы оказались гибельно бесполезны?

Или о том, как, работая на Центральном телевидении, я в течение десяти лет, отстаивая свою позицию, один, и тоже без чьей-либо помощи (исключая тайную помощь многочисленных друзей) вёл беспощадную и открыто упорную войну с администрацией, которая привлекла на свою сторону партком, местком и отдел кадров – и на глазах у всех в одиночку выиграл эту битву на радость друзьям, вызвав трусливую растерянность противостоявших мне и казалось бы непобедимых и всемогущих сил тогдашнего официоза?

Да, поговорить есть о чем. Хочешь послушать, как после семи лет подготовки, после семи лет ежедневных трудов и четырёх поездок в Баку, заручившись поддержкой ЦК комсомола, Спорткомитета СССР, Главного управления погранвойск КГБ СССР, Минздрава и Комитета по телевидению и радиовещанию, преодолев тайное сопротивление и саботаж местных бонз, мне удалось на парусной байдарке в одиночку пересечь Каспийское море, после чего мной был сделан сакраментальный вывод о том, что в СССР легче в одиночку пересечь море, чем зеленый суконный чиновничий стол?

Или послушать о том, как посвятив несколько лет занятиям скульптурой, дойдя до уровня, когда две мои вещи приняли участие в одной из Всесоюзных молодежных выставок в Манеже, я вознамерился поступить в Суриковский институт, и как один из тогдашних скульптурных монстров, Евгений Викторович Вучетич,